

Композитор и театр

Нужно вспомнить бездушное, чиновничье отношение «императорских» казенных театров к русским композиторам, чтобы полностью оценить ту огромную роль, которую играет сейчас театр в создании советской оперы.

Взаимоотношения композитора и театра раньше главным образом ограничивались одним вопросом: будет опера поставлена или нет? Этот вопрос не разрешался часто годами. «Работа» же театра с композитором заключалась в основном в изыскании из произведения всякой «крамолы» и приспособления его к вкусам господствующего класса (вспомним хотя бы историю «Бориса Годунова» Мусоргского).

Сейчас композитор идет в театр, как к другу и учителю, неся на товарищеский суд и свои первые ювешеские опыты и зрелые, законченные произведения.

Таким другом и учителем для многих молодых советских композиторов явился Ленинградский Малый оперный театр, эта «лаборатория советской оперы», как многие его по праву называют.

Возникнув уже после революции, Малого театр вырос и сформировался в борьбе за советскую оперу, за аркий революционный спектакль.

И казалось таким естественным предложение Д. Д. Шостаковича, когда я познакомил его с только что написанным первым актом «Тихого Дона», — показать оперу С. А. Самосуду, тогдашнему художественному руководителю Малого. Вместе с Д. Д. Шостаковичем мы отправились в театр. С. А. Самосуд и еще несколько работников театра прослушали «Тихий Дон», к тут же был решен вопрос о постановке этой оперы.

С того дня я тесно связал свою жизнь с жизнью театра и стал его завсегдатаем.

Атмосфера дружеского, искреннего участия и заинтересованности в творческом деле театра всего коллектива, начиная от художественного руководителя и кончая швейцаром, отличала и отличает Малого от некоторых других наших театров, еще не освободившихся от бюрократического налета прошлого.

Особенно я это почувствовал, когда «Тихий Дон», представленный мною в 1933 году на конкурсе оперных произведений, объявленный Большим театром и «Комсомольской правдой», потерпел неудачу. Я уже хотел было совсем отказаться от творчества, но театр поддержал меня в эти тяжелые минуты.

К 20-летию Ленинградского государственного малого оперного театра

«Ну, теперь будем ставить», — ободряюще и ласково сказал С. А. Самосуд, точно «Тихий Дон» получил на конкурсе первую премию. И действительно, «Тихий Дон» готовился к постановке одновременно с «Именинами» Желобинского, получившими на конкурсе вторую премию, но я не чувствовал разницы в отношениях театра к нам, авторам этих опер.

Принужденный оставить консерваторию, я довершал свое музыкальное образование в театре, который явился для меня практической школой композиторского мастерства.

Указания С. А. Самосуда никогда не носили характера сухих директив; обсуждения каких-либо деталей оперы выливались обычно в живые, дружеские беседы. Часто в перерывах спорах засиживались мы в театре до 3—4 часов утра, пока швейцар не выпроваживал нас домой.

Я считал такой вид общения композитора с руководителями театра наиболее плодотворным. Ведь оно рождает тот творческий контакт, ту духовную близость между автором и интерпретатором его произведений (каким является художественный руководитель постановки), которые совершенно необходимы для наиболее полного и верного раскрытия идейного замысла произведения. Кроме того, именно в беседе, в спорах возникают новые мысли, выдвигаются новые творческие проблемы, по-иному представляется многое, начинаешь пересматривать то, что до сих пор казалось неоспоримым.

Так, например, во время нашего спора с С. А. Самосудом возник новый вариант финала пятой картины «Тихого Дона». Нам вдруг стало ясно, что артему надо показать, как при известии о революции не только казаки, но и вся армия огромной лавиной откатывается от фронта, отряпываясь на родину, домой. На следующий же день я принес новый финал картины с заключительной массовой песней, а через два дня ее уже можно было услышать и в коридорах театра, и в артистических уборных, и в мастерских, — с таким жарким вниманием следил весь коллектив за работой над новой оперой.

По указанию С. А. Самосуда мы репетировали также изменить финал и второй картины оперы. По первоначальному плану (который сохранил в постановка «Тихого Дона» в театре им. Невмровича-Данченко) картина кончалась песней пьяного казака, что снижало основное настроение картины, связанное с уходом Аксиньи и Григория к новой, радостной совместной жизни. Я издал казака и закончил картину широким светлым симфоническим эпизодом. Это получилось удачно в драматургическом отношении: картина по своему светлему колориту контрастирует с первой и третьей картинами оперы, мрачными по развязке.

Некоторые важные и интересные детали оперы были подсказаны мне другими, часто рядовыми, работниками театра. Я почти всегда с благодарностью принимал их советы — и не напрасно. Помню, например, когда мы работали над третьей картиной (объявление войны), ко мне подошел помощник режиссера т. Усыбин и сказал: «А нельзя ли дать чтение манифеста на фоне хора?». Мне эта мысль очень понравилась, я так и поступил. Этот безусловно интересный драматургический прием двухпланового действия я затем применил и в «Поднятой целине».

Я должен с благодарностью признать, что постановка «Тихого Дона» в Малом обязана буквально всему коллективу театра, как обязан я ему и успехом своего первого детища и одобрением, выраженным мне товарищами Сталиным, Молотовым, руководителями партии и правительства. За время работы над своей первой оперой я так связался с Малогом, что приходил туда, как к себе домой. Так же чувствовал себя там и теперь. Новый художественный руководитель Малого талантливый дирижер Б. Э. Хайкин оразу почувствовал подлинно творческую атмосферу в театре, оценил сплоченный товарищеский коллектив его работников и в своей работе продолжил традиции, введенные С. А. Самосудом. Под руководством Б. Э. Хайкина была поставлена «Поднятая целина». Такой же постоянный творческий контакт установился в театре с композитором В. В. Желобинским и др. Попрежнему композиторы находят в театре дружеское участие и помощь, попрежнему Малого притягивает их своим молодым энтузиазмом, упорной борьбой за создание советской оперной классики.

ИВ. ДЗЕРЖИНСКИЙ